

изображения исключает буквализм; таким образом, переход Владимирова на позиции искусства, подражающего природе, свидетельствует об отказе от символики в его кругу. Не случайно он нигде ни разу о ней не упоминает, хотя вообще средневековье (включая и XVII век в России) очень любит всюду находить скрытые значения.

Все это является сильнейшим контрастом со взглядами, господствовавшими на Руси еще в XVI в. «А что в вашей стране деется о образех, и аз о том глаголати не хошу, како есте подались в бесовскую прелесть», — писал Иван Грозный Яну Роките.³⁵ Очень четкое различие между русской живописью и западной проводится в статье, приписываемой Максиму Греку.³⁶ Максим Грек (если он действительно автор этой статьи) знал реалистическое искусство Италии и прекрасно определил различие между западноевропейским и русским искусством того времени. Приведя притчу о кесаревом динарии, он указывает: Христос «не рече не творите образ, но воздадите подобная подобному, понеже и тогда быша образы, но не вси равни и одинацы: ови убо точию на показание века памяти ради, якоже монархов и прочих, овии же святынь ради, якоже и zde херувими славы вешает... Зри опасно и внемли о сем разумно, аще убо римских кесарей, по евангелистову речению, на цатах и на златницах и дсках писаша образы то и прочих царей... не не пщуй же образом их быти писаным... аще убо... Спаса Христа писати подобает, то достоит ли ему без чести быти и с простыми образы смешати... Тако же подобает внимати во образе пречистия его Богоматери и святых».³⁷ Максим Грек отличает, согласно святоотеческой традиции, «образ» от «подобия»: подобие выражается в действиях, например в щедрости, а образ — в свойствах. Так, «ум, слово и дух» в человеке есть образ Троицы.³⁸ Эти характеристики важны для иконописца, как отличие человека от прочих существ; отсюда новая необходимость условности в иконописи в отличие от западноевропейского искусства, не выдвигающего таких требований. Не отступали от этой точки зрения и западнорусские полемисты, чьи сочинения были широко известны в Московской Руси. Так, архидьякон Евстафий, повторяя основную мысль Максима Грека о различии образа и подобия, подчеркивает отличие «естественного» человека от «первообраза», т. е. от божества. Он ссылается на то, что если Адам, согласно Библии, был создан по образу и подобию божию, то дети Адама имели уже только его, Адама, образ и подобие, утерав в результате грехопадения образ божества. Нынешнее состояние человека — это «рабий образ», который принял Христос, говорит Евстафий. Из этого он выводит смысл иконописи в условном обозначении божества.³⁹

Другой писатель, киевлянин А. Кальнофойский, пишет, повторяя Иоанна Дамаскина: «Икона есть подобие, выражающее первообраз, однако же так, что от него в чем-либо и разнится».⁴⁰

³⁵ Ответ царя Ивана Васильевича Грозного Яну Роките. — ЧОИДР, 1878, кн. II, М., стр. 52.

³⁶ О святых иконах, им же поклоняться подобает. — В кн.: Подлинник иконописный. Изд. С. Большакова. М., 1903, стр. 16—18 (далее: Подлинник). Авторство Максима Грека этой статье приписывается А. И. Ивановым по рукописи XIX в. (А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, стр. 119). Издание С. Большакова ему, очевидно, осталось неизвестным.

³⁷ Подлинник, стр. 17.

³⁸ Там же

³⁹ Евстафий, архидьякон. Списание против люторов в двух редакциях. — РИБ, т. XIX, СПб., 1903, столб. 77.

⁴⁰ Цит. по кн.: С. Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, ч. II. Киев, 1898, стр. 301.